

УДК 82–14+821.161.1

**ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII ВЕКА
О СКОРОТЕЧНОСТИ И СУЕТНОСТИ ЖИЗНИ**

© 2011 г.

А.Г. Маслова

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

ag.maslova@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2010

Рассматриваются произведения русских поэтов второй половины XVIII – начала XIX веков, связанные с интерпретацией темы суеты и быстротечности жизни; выявляется художественный подход таких поэтов, как М.М. Херасков, Г.Р. Державин, М.Н. Муравьев, В.В. Капнист, В.И. Майков и др., к проблеме времени, интерес к которой обострился в эпоху кризиса просветительского мировоззрения.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, философская поэзия, художественное осмысление времени.

Проблема осмысления времени, переживания времени, попытка найти возможности примирения человека с неумолимым временем – все это становится актуальным для русской поэзии конца XVIII века. Мотивы, связанные с переживанием времени, не являются открытием эпохи постклассицизма. К началу рассматриваемого периода существовала уже богатая барочная традиция с широко распространенными виршами о суете и бренности земного существования. А в эпоху классицизма сложилась стройная жанровая система, были созданы многочисленные образцы поэтических текстов разных жанров, в которых так или иначе могли проявляться мотивы времени и вечности. В связи с этим невозможно рассматривать проблему осмысления и переживания времени поэтами конца XVIII века в отрыве от предшествующей традиции.

В Петровскую эпоху христианская средневековая модель мира, в которой преобладали временные ориентации над пространственными, а во временной модели доминировала ориентация на будущее, эсхатологизм, сменилась системой представлений о пространстве и времени. Для этой системы были характерны: линейность и однородность времени, представление его в виде шкалы, разделенной на равные промежутки; «вера в возможность планомерной деятельности и предсказуемость всех событий, восприятие пространства как однородного во всех точках местоположения для тел» [1, с. 13]. В поэзии эпохи просветительства и абсолютизма начинает преобладать классическая картина мира, из которой намеренно исключается время. В жанре торжественной оды эта концепция реализуется в мифе

о «золотом веке». Как верно отмечает Т.Е. Абрамзон, «описание <...> сцен торжества Российской империи в торжественных одах функционирует вне времени. В торжественных одах, воспевающих счастье подданных под властью очередной царствующей персоны, будущего нет – есть только мрачное прошлое (например, царствование Анны Иоанновны в елизаветинских одах или царствование Петра III в екатерининских одах) и бесконечно прекрасное настоящее – «золотой век» наступил навсегда» [2, с. 26].

Однако параллельно, в противовес просветительской картине мира, в поэзии присутствуют и другие тенденции, которые все ярче начинают проявляться во второй половине XVIII века и связаны с периодом кризиса европейского общества. В.А. Луков, описывая европейскую культуру этого времени и называя противостоящие просветительской картине мира тенденции предромантическими, отмечает следующее: «Предромантическая концепция мира и человека – это как бы экстраполирование глубокого общественного разлада, отмечаемого предромантиками, на общую картину бытия. <...> Если классицисты XVII в. утверждали в искусстве концепцию мира, соразмерного герою, мира как огромного отражения героического сознания в героическом бытии, <...> то в произведениях предромантиков мир несоразмерен человеку, чужд ему, это мир незнакомый, далекий, живущий своей космической, архаической или экзотической жизнью, он полон тревог, опасностей, неожиданностей» [3, с. 55–56]. Среди важнейших предромантических мотивов – образы всемогущего времени и роковой судьбы.

Предромантические тенденции возникают в русской литературе, как правило, в творчестве поэтов, тесно связанных с противостоящим классицизму сентиментальным направлением. Мировоззренческая концепция сентиментализма также вырабатывает свое отношение к проблеме времени, которое выражается в попытке передать процесс внутреннего, субъективного переживания времени.

Различные подходы к осмыслению времени можно рассмотреть на примере произведений, созданных разными поэтами, но посвященных одной и той же теме, актуальной для всех литературных направлений и групп: это проблема поэтического постижения кратковременности человеческой жизни и неизбежности смерти.

Начиная с 1760-х годов в русской поэзии появляется целая серия поэтических творений под названием «Время»: это два стихотворения М.М. Хераскова («*Лиющаяся река как огненные потоки...*», 1761 и «*Ты, время! быстрыми крылами...*», 1800), стихи М.Н. Муравьева («*Постойте, вобразим, друзья, быстротекуще время...*», 1783), Г.Р. Державина («*О Д<ьяков>! Д<ьяков>! как время / Быстро в вечность все несет!...*», 1804), В.В. Капниста («*Неприметно утекают воскрыленные лета...*», представляющее подражание Горацию). Каждый поэт раскрывает свое отношение к проблеме времени по-своему, несмотря на то что все произведения имеют одинаковое заглавие.

В раннем стихотворении «Время» М.М. Херасков восклицает: «*О время! Я, тебя представляю, трачу ум!*» [4, с. 199] – и рисует картину гибели всего, что существует в мире: «*Время все дела людские пожират*», «*И титлы и умы удобно время стерть, / Всех обща в свете часть: забвение и смерть*» [4, с. 199]. В стихотворении, созданном в рубежный год завершения XVIII столетия, поэт продолжает развивать те же мысли:

*Ты, время! Быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь;
Пуская стрелы за стрелами,
Все рушишь, портишь и разишь. <...>
К чему серпом своим коснется,
Где время только пробежит –
Все гибнет, ржавеет и рвется,
Покрыто мхом седым лежит* [5, с. 287].

Всесокрушающее время, уничтожая все на своем пути, само несется к гибели: его «*поглотит вечность, движения и крыл лишит*». Отношение М.М. Хераскова к времени, неподвластному человеческому разуму и воле, соотносимо с предромантическим мироощущением.

Если в произведениях М.М. Хераскова время представлено как некая грозная абстрактная сила, которой ничто не в силах противостоять, кроме самой вечности, то в одноименном стихотворении М.Н. Муравьева совсем иная тональность. Оно написано в форме дружеского послания, что позволяет придать рассуждениям о времени оттенок интимности. Как справедливо отмечает О.В. Алексеева, стихотворение, обращенное к конкретным адресатам, в данном случае к друзьям, «переводит саму проблему в личностный, зависящий от внутреннего мира человека план оценки. Время становится аксиологически значимым, подлежит индивидуально неповторимой в каждой точке жизни оценке, наполняясь новыми чертами в зависимости от воспринимающего его человека» [6, с. 50]. Время начинает осознаваться «как нечто от человека зависящее, существующее в его восприятии» [7, с. 28]. Призывая друзей «вообразить время», М.Н. Муравьев не замирает в бессилии перед его неостановимым, несущимся в небытие потоком. Рисуя картину быстро уходящего времени, поэт сосредоточивает внимание не столько на мрачных картинах жизни, стремящейся к смерти и разрушению, сколько на противоположных ситуациях, несущих жизнь и свет:

*Недавно упал без силы солнца свет –
Се, в нивах брошено, проникло в класы семя
И жателя зовет* [4, с. 388].

Солнце, скрывшееся за горизонтом, вскоре восходит и зажигает новый день. М.Н. Муравьев подчеркивает такую черту человеческого восприятия времени, как субъективность. Дни, насыщенные радостью и делами, приносящими моральное удовлетворение, противостоят по своей долготе дням, проведенным впустую: «*Минута, кою жил, длиняе году сна*», и, если жизнь счастливая вдруг сменяется периодом «сна», человек имеет средство противостоять унынию, ведь «*время наконец с сердечной дски стирает / Ржу чуждую сию*». Поэт призывает находить радость в отдельных мгновениях, подчеркивая, что «*все года времена имеют наслажденья – во всяком возрасте есть счастье свое*», а восприятие окружающего мира во многом зависит от внутреннего состояния человека:

*Мгновенье каждое имеет цвет особой,
От состояния сердечна занятой.
Он мрачен для того, чье сердце тяжело злобой,
Для доброго – златой* [4, с. 388].

В связи с этим для человека становится важным сохранять свой внутренний мир, спасая «сердце между волн <...> от сокрушенья», что

позволит преодолеть мрачное настроение даже в самые трудные моменты, ведь человек тогда сможет найти утешение в самом себе («*Коль много утешенья останется в тебе*»). В восприятии М.Н. Муравьевым времени проявляются особенности мироощущения сентименталистов.

Стихотворение Г.Р. Державина «Время» также обращено к конкретному адресату – Н.А. Дьякову, брату второй жены поэта, и могло бы в связи с этим изначально предполагать ту же интимизацию образа времени. Однако заявленное в начале стихотворения обращение носит скорее абстрактный характер, отставка Дьякова, с которой связано написание стихотворения, – лишь повод для общих рассуждений о быстротечности человеческой жизни и утверждения морально-этических идеалов. Несмотря на то что «*время быстро в вечность все несет*» и ничто не может удержать «*дней летящих*», что молодость не вернуть и каждый человек должен умереть, дух человеческий, эта «*божественная искра*», будет жить вечно, «*и те дела не умрут, производят что добро*» [8, с. 228]. Размышления о времени превращаются у Державина в проповедь добродетели: «*Так – едина добродетель здесь и там счастливит нас*», над добродетельным человеком не властно время: «*им ни время не владеет, ниже злато, ни серебро*», так как он получает награды за свои добрые дела в вечной жизни. В стихотворении проявляется также мысль о субъективности восприятия времени:

*Длинно время для терпенья,
Для веселия быстрó, –
Но премудрый проживает
Равнодушно весь свой век* [8, с. 229].

Державин, в отличие от Муравьева, не предлагает адресату искать утешения в своем внутреннем мире, мудрый человек, по его мнению, утешается делами, направленными вовне, на общественное благо: «*Коль с невинных снял железы, / Ускорил коль правый суд; / Коль отер сиротски слезы, / Не брал лихвы, не был плут*». Только запасаясь «*котомою добрых дел*», человек может быть уверен в вечной жизни своего духа и не бояться ни времени, ни тлена. В державинском стихотворении, несмотря на то что оно написано уже в новом, XIX столетии, проявляются традиции классицистического мироощущения.

Стихотворение В.В. Капниста «Время» представляет собой подражание Горацию (книга II, ода XIV). Древнегреческий образец не имеет названия, в нем актуализируется мотив скоротечности человеческой жизни, быстрого наступления старости и неизбежности смерти,

а в финале звучит мысль о бесконечном повторении жизненного круга, так как после смерти человека жизнь его продолжают наследники, беззаботно наслаждающиеся отведенными им годами. Давая своему произведению заглавие «Время», В.В. Капнист тем самым выражает свое отношение к ведущей общеполитической категории, ставшей объектом пристального поэтического внимания в переходную эпоху. Сознывая свою личную конечность, человек тем не менее может найти утешение в том, что жизнь с его смертью не кончается, она повторяется в новых поколениях.

Рассмотренные произведения объединены общей темой – мыслью о скоротечности человеческой жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что в творчестве вышеназванных поэтов, создавших в разные годы произведения с одним и тем же названием – «Время», мотив быстротечности времени является одним из ведущих. Этот мотив тесно связан с характерным еще для барочной эпохи мотивом суетности и скоротечности человеческого существования, к которому обращались многие поэты в XVIII веке.

В лирике М.М. Хераскова мотивы, связанные с осмыслением времени, тесно переплетаются с мотивами «суеты». В данном случае поэт во многом является преемником А.П. Сумарокова, разрабатывавшего эту тему в одах «На суету мира», «На суету человека», где одним из ведущих становился мотив быстротечности времени, изменчивости и непостоянства мира, неизбежности смерти: «*Все сие как дым преходит, / Природа к смерти нас приводит – / Воспомяй, о человек!*» [4, с. 134]; «*Время проходит, / Время летит, / Время проводит / Все, что ни льстит*» [4, с. 135].

М.М. Херасков, обращаясь к поэтическому осмыслению «суетности» человеческой жизни, не ограничивается утверждением идеи бессмысленности всего происходящего, а наполняет свои произведения морально-этическими наставлениями, актуализируя мотивы забвения и памяти, равенства всех перед неумолимой смертью и утверждая нравственно-этические нормы человеческой жизни. В «Стансе» («*Все на свете сем проходит...*»), подчеркивая мысль о скоротечности времени, поэт призывает не откладывать совершение полезных дел на будущее, ведь «*бывший час не возвратится, будущему льзя ли быть*», поэтому надо жить настоящим, чтить и ценить то, что есть: «*Сколько много отлагаем / Мы полезных дел вперед? / Наконец свой век кончаем, / Жить минуты не нашед*» [4, с. 196]. В этом стихотворении обнаруживается связь с иде-

ями, выраженными Державиным в рассмотренной выше оде, обращенной к Дьякову: наполняя жизнь полезными делами, человек тем самым оправдывает свое земное существование. В другом «Стансе» («*Боже мой, Боже! Всякий день то же...*») поэт восклицает:

*Время, о время!
Что ты? Мечта.
Век наш есть бремя,
Все суета* [4, с. 200].

Неоднократно во многих стихотворениях М.М. Хераскова подчеркивается мысль о том, что рождение человека – это первый шаг к смерти, а время человеческой земной жизни представляется чередой бессмысленных дел: «*Жизни первая година / К нашей смерти первый шаг*» [4, с. 196]; «*Что такое есть родиться? / Что есть наше житие? / Шаг ступить – и возвратиться / В прежнее небытие*» [4, с. 228]. Эта же мысль звучит в знаменитом стихотворении Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского»: «*Приемлем с жизнью смерть свою, / На то, чтоб умереть, родимся*» [4, с. 297].

Мотив суетности всего земного, восходящий к библейской традиции Экклезиаста, наполняется мыслями о временности, конечности человеческого бытия, и наоборот: в произведениях, темой которых являются мысли о смерти, появляются размышления о времени. В конце 1750-х и в 1760-х годах к философской лирике, разрабатывающей данную тематику, часто обращаются поэты, близкие М.М. Хераскову и публиковавшие свои произведения в журналах «Полезное увеселение» и «Свободные часы». В «Сонете» (1761) Елизаветы Херасковой подчеркивается мысль о желанности смерти, несущей избавление от земных страданий, и бесполезности той долгой жизни, о которой обычно мечтает человек, так как молодость пролетает слишком быстро («*Те дни все протекут, как ток быстрейших рек*») и «вдруг» наступает старость, которая «*все твои желанья уничтожит, / К напастям и бедам болезни приумножит, / Она надежду всю со днями унесет*» [4, с. 157]. А.А. Ржевский в «Оде I» («Долго ль прельщаться нам суетой?..», 1761) также размышляет о времени и смерти «*Миг уменьшает / Здесь бытие / И приближает / То житие*». Смерть не является для поэта спасением, она полагает конец всему: «*Все то минется, / Все то пройдет: / Счастье прервется, / Смерть как придет*» [4, с. 163]. И в том и в другом стихотворениях, несмотря на противоположные подходы поэтов к жизни и смерти, преобладают пессимистические мотивы, характерные для предромантического мироощущения.

Близкие к Хераскову поэты сумароковской школы В.И. Майков и В.В. Капнист также создавали произведения на эту тему, развивая библейские мотивы Экклезиаста. В «Оде о суете мира» (1775) В.И. Майкова время представляется в зримых образах, восходящих к барочной традиции изображения смерти: время, стремясь насытить свои «*алчные челюсти*», «*острою косою все ссечет в единый час*» [4, с. 231]. Заметим попутно, что такими же яркими, наглядными образами всеокрушающего времени-смерти будет насыщена поэзия Г.Р. Державина, в которой смерть персонифицируется, приобретает зримые атрибуты, традиционные и для европейской, и для славянской мифологии (наиболее часто – «коса», которой размахивает «бледна смерть», парки, обрезающие нить жизни, «старик угрюмый и седой» Харон, переправляющий души умерших в загробный мир, червь, гложущий человеческие кости). Как видим, понятия времени и смерти часто являются синонимами.

«Ода о суете мира» В.И. Майкова наполнена пессимистическими мотивами:

*Всякий шаг нам – шаг ко смерти,
Всякий миг влечет нас к ней,
Всякий глас грозит претерти
Вервь кратчайших наших дней.
Что мы думаем иль пишем,
Говорим иль просто дышим –
Время между тем течет.
Как сие изрек я слово,
Наступило время ново,
А того уж больше нет* [4, с. 232].

Автор, обращаясь к «любимцу муз» Сумарокову, пытается вырваться из замкнутого круга своих пессимистических рассуждений о времени, призывает своего предшественника указать путь, который позволяет человеку обрести мир в мятущейся и потерявшей истину душе:

*Коль во свете все переменно,
Все нетвердо, ломко, тленно,
Сан, богатство, жизнь-мечта,
Чем же Свет нам толь прелестен,
Коль всему конец известен?
Что же в нем не суета?* [4, с. 232]

Сам В.И. Майков ответа на тревожащий его вопрос не дает, но сама постановка подобного вопроса подчеркивает внутреннее несогласие автора с безапелляционным утверждением, что все в этом мире тленно, суетно и тщетно. Размышления поэта о временности земной жизни и поиски пути преодоления своих сомнений продолжают в философской оде «О бессмертии души» (1778), адресованной преосвященному Платону. Майков высказывает важную мысль:

если в душе человека есть стремление к жизни вечной, это не случайно, вложенные Богом в человека «желанья бесконечны» есть залог бессмертия человеческой души, ее вечной жизни. Поэт, таким образом, утверждает мысль о Разумности и Божественной упорядоченности мироустройства. Эта идея в эпоху расцвета классицизма не подвергалась сомнениям, принималась как должное. Так, М.В. Ломоносов воспевал величие мироздания, просветленного Божественным Разумом, в научно-философских «Размышлениях о Божием Величестве». В период же кризиса классицистического мировоззрения поэты проходят этап сомнения, разочарования. И здесь выявляется несколько мировоззренческих позиций: предромантическое разочарование в разумном мироустройстве и убеждение в невозможности выхода из круга времени, с одной стороны, и, с другой стороны, поиск путей преодоления сомнений и возвращения к идеалам Просветительства, не потерявшего еще своего значения в конце XVIII столетия. Именно по второму пути стремится идти В.И. Майков.

Первая же позиция выражена в произведениях Е. Херасковой, А. Ржевского, а также в оде «Суетность жизни» В.В. Капниста, который, рассуждая о быстротекущем времени, неумолимо направляющем человеческую жизнь к смерти, также не может отыскать выхода из замкнутого круга неутешительных мыслей о конечности и бессмысленности всего сущего:

*«Не льстись ничем ты вечным в свете», –
Твердит тебе то год, и час,
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас <...>
Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, зная, его утроба:
Повсюду вход – исхода нет [4, с. 433].*

По-другому подходит к проблеме временности и «суетности» человеческого существования Я.Б. Княжнин в «Стансах на смерть» (ок. 1790). Поэт во многом следует за своими предшественниками, говоря о мгновенности человеческой жизни, похожей на «краткий сон», и неизбежности смерти, которая мгновенно превращает величие и богатства в ничто, и даже благодарная память потомков о мудреце, всю свою жизнь посвятившем ученым трудам, не может являться утешением, так как после смерти «уже того не ощущаешь, / Что имя здесь твое гремит. / Ты в мрачном гробе истлеваешь, / И славы блеск тебя не льстит» [4, с. 272]. Однако завершает свои «Стансы» поэт утверждением этического идеала жизни:

*Друзья! вы смерть не забывайте,
Она всеобщий наш удел.
Лишь правость духа сохраняйте,
И всяк страшится злых дел [4, с. 274].*

Как видим, Я.Б. Княжнин, затрагивая проблему временности человеческой жизни и наполняя свое произведение мотивами и образами, характерными для предромантического мироощущения, в финале возвращается к традиционному мотиву «memento mori», последовательно разрабатывавшемуся еще барочными поэтами: напоминание о смерти оказывается поводом для моральных наставлений. Совмещение идеи разочарования в разумности земного мироустройства с утверждением морально-этических идеалов характерно для многих произведений М.М. Хераскова.

Разные пути решения устрашающей раздумья проблемы временности и скоротечности человеческой жизни предлагает ведущий поэт конца XVIII столетия Г.Р. Державин. Размышления о времени часто появляются в его одах и стихотворениях, написанных по случаю смерти близких, друзей и знакомых. Грозная поступь Времени услышана и передана Г.Р. Державиным в стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779). Идею времени воплощает здесь образ маятниковых часов:

*Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает [4, с. 297].*

Тот же грохот неостановимого времени, но уже соотносящегося с образом водопада, слышится в оде, написанной по случаю смерти князя Потемкина (1791–1794). Образ воды, стремительно падающей в бездну, становится символической параллелью человеческой жизни:

*Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей <...>
Не упадет ли в сей зев*

С престола царь и друг царев? [4, с. 314]

Река, вода, обладающие такой характеристикой как текучесть, безусловно, самые частые образы для воспроизведения идеи времени, этот образ встречается и в оде «На смерть князя Мещерского»: «Как в море льются быстры воды, / Так в вечность льются дни и годы» [4, с. 297].

Создавая ужасающую картину всепоглощающего, алчного времени, Державин завершает свое произведение, написанное в связи со смертью Мещерского, эпикурейским призывом наслаждаться жизнью, которая есть «небес мгновенный дар», и такой финал кажется неожиданным. Однако, как верно замечает

Н.И. Николаев, эта «неровность», эта неожиданность финала «на самом деле оборачивается глубокой осмысленностью и чрезвычайной композиционной стройностью», так как Державин «находит эмоционально и философски убедительную универсальную модель соединения полярных отношений к проблеме жизни и смерти, когда смерть перестает ощущаться пределом, пугающим своей конечностью, а жизнь при этом в своих сугубо мирских проявлениях вовсе не обесмысливается» [9]. Таким образом, Г.Р. Державин совмещает разные, актуальные для его эпохи мировоззренческие концепции, но пессимистический взгляд на разрушающее все на своем пути время не может удовлетворить поэта, он, как и другие представители века Просвещения, ищет путь разумного постижения проблемы жизни и смерти, времени и вечности. Наряду с утверждением морально-этического идеала в жизни, который звучит во многих произведениях Державина, в том числе и в рассмотренном нами стихотворении «Время», адресованном Дьякову, поэт подчеркивает ценность настоящего мгновения, ценность бытовой, повседневной стороны жизни. Эта позиция в полной мере проявляется в послании «Евгению. Жизнь Званская», где автор выражает свое отношение к идее суетности и тщетности всего преходящего следующим образом:

*«Все суета сует! – я, вздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, –
О, коль прекрасен мир!*

Что ж дух мой бремяю?

Творцом содержится вселенна [4, с. 344].

Ценность настоящего мгновения подчеркивается и в поэтическом творчестве М.Н. Муравьева. М.Н. Муравьев является автором стихотворения «Скоротечность жизни», в котором, как и в стихотворении «Время», призывает ценить жизнь во всех ее проявлениях и в любом возрасте, ведь жизнь так коротка, а пролетевшие и зря растратенные дни уже не возвратятся никогда:

*Ах! живи, не медля мало.
Половина – дел начало,
И ты времени не верь.
Наше счастье к нам столь близко;
И Природа, нежна мать,
Положила дар сей низко,
Чтоб могли его достать.
Следуй ты ее внушенью,
Воспротив воображенью
Заблуждать сей верный путь* [10].

Во многих произведениях М.Н. Муравьева звучит мысль о субъективности человеческого восприятия времени. В пейзажных стихах поэт стремится запечатлеть яркие мгновения жизни

природы, и поэтому время воспринимающего субъекта замедляется: *«К приятной тишине склонилась мысль моя, / Медлительней текут мгновенья бытия»* («Ночь»); *«Ах! я видел мгновенье, в которо заря выходила»* («Роща»). Дни, проведенные в гармонии с природой, позволяют не замечать быстротечности времени, ведь *«счастье годовых не ведает времен»* («Сельская жизнь»). Таким счастливым, наполненным красотой и гармонией мгновениям противопоставляются пустые, скучные минуты человеческой жизни, когда, наоборот, поэт стремится ускорить течение времени. В стихотворении, обращенном к книгам, – «Товарищи, наставники, друзья...» – автор восклицает: *«Ах! несмотря на то, что время скоро мчится, / Мгновенья есть, когда оно влачится»*, и лирический герой стремится избежать утомительного для души состояния бездействия, заполнив «пустое» время общением с книгами: *«Я наслаждатся меж вами прихожу / И время течь скоряе обяжу»* [4, с. 394].

Таким образом, в последние десятилетия XVIII века классическое мировидение сосуществует с сентиментальным и предромантическим. Осмысление времени поэтическим сознанием второй половины XVIII века тесно связано с характерным еще для барочной эпохи мотивом суетности человеческого существования, к которому обращались многие поэты. В произведениях, объединенных общей тематикой, можно увидеть как традиционный еще для барочной поэзии взгляд на человеческую жизнь, представляющуюся потоком бессмысленных дел и стремлений, так и тенденции к поискам способов примирения с неумолимым временем, преодоления времени, что характерно для просветительского мироощущения. Новым и прогрессивным для поэзии конца XVIII века становится стремление по-новому осмыслить традиционные мотивы и совместить различные, ранее несовместимые и противостоявшие друг другу точки зрения. По-своему выражают свое отношение к времени сентименталисты, широко разрабатывающие такой мотив, как сопоставление изменяющейся природы и разных времен года с проходящей разные возрастные стадии человеческой жизнью. Актуальным для «чувствительной» поэзии становится интимное, субъективное восприятие текущего времени.

Список литературы

1. Шугая Н.К. Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII–XIX вв.: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
2. Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 49 с.

3. Луков В.А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. 683 с.
4. Русская литература – век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Кочетковой, Е Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского и др. М.: Худож. лит., 1990. 735 с.
5. Русская литература XVIII века, 1700–1775: Хрестоматия. М.: Просвещение, 1979. 447 с.
6. Алексеева О.В. «Поэт времени» (Образ времени в поэтическом наследии М.Н. Муравьева) // Вестник молодых ученых. 2005. № 4. Сер. Филологические науки. 2005. № 2. С. 46–52.
7. Корман Б.О. Кризис жанрового мышления и лирическая система (О поэзии М.Н. Муравьева) // Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система: Учебное пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. 1978. С. 25–35.
8. Державин Г.Р. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958. 561 с.
9. Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск, 1997. 148 с.
10. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. 387 с.

THE PROBLEM OF TIME IN LATE 18-th CENTURY RUSSIAN POETRY ABOUT TRANSIENCE AND VANITY OF LIFE

A.G. Maslova

The works of the Russian poets of the second half of the 18-th century - early 19-th century relating to the interpretation of the theme of vanity and transience of life are considered. The author examines the approach of such poets as M.M. Kheraskov, G.R. Derzhavin, M.N. Muraviev, V.V. Kapnist, V.I. Maikov and others to the problem of time that became the focus of interest in the era of crisis of the Enlightenment philosophy.

Keywords: Russian poetry of the 18-th century, philosophical poetry, literary comprehension of time.